

В.В. Гусаков

Сако-массагеты, их соседи и современники в среднеазиатской политике державы Ахеменидов

В.В. Гусаков*

Сако-массагетские племена – непосредственные предшественники сарматов и алан – сыграли важнейшую роль в древней истории среднеазиатского междуречья. Контролируя значительную часть Средней Азии, они традиционно выступали активным фактором местной (региональной) политики. На продолжительное время (двести лет) сако-массагеты и их соседи по среднеазиатскому региону оказались включены в состав государства Ахеменидов – могущественной державы древности, претендовавшей на роль вселенской империи. В этот исторический период между правящей персидской династией и населением Средней Азии (включая саков и массагетов) выработались определенные формы взаимодействия, которые просуществовали практически до самого крушения империи Ахеменидов под ударами войск Александра Македонского.

Известную трудность при освещении данной темы создает явная скудость достоверных письменных источников. Местные народы, имеющие древнейшую культуру, тем не менее в VI–IV вв. до н.э. не обладали собственной письменностью. Парфянская, согдийская и хорезмийская письменности возникли позднее из арамейского письма, употреблявшегося Ахеменидскими канцеляриями. Бактрийская письменность была создана на основе греческой, но произошло это еще позже, уже в эпоху Кушанского царства.

Большой исторический материал о древнем иранском государстве собрали греческие историки, все-таки современниками Ахеменидов были крупнейшие древнегреческие историки, прежде всего Геродот, Ксенофонт и Ктесий. Хотя и к их сочинениям необходимо подходить критически. Главной темой сочинения Геродота «История» являлись греко-персидские войны. Таким образом, страны и народы персидской державы интересовали его лишь в контексте описания театров боевых столкновений и участвующих в них греческих противников. Поскольку кампании греко-персидских войн совершенно не затронули Среднюю Азию, то и упоминания о ней, в срав-

нении, скажем, с Малой Азией или Египтом, самые минимальные, попутные. Так, местные сатрапии упоминаются в Геродотовом списке сатрапий, учрежденных Дарием (в книге III), а среднеазиатские вооруженные контингенты – в перечне отрядов армии Ксеркса (в книге VII). Исключение составляет лишь известный рассказ о реке Акес (в книге III) и рассказ о массагетах (в книге I) [10, с. 46–71].

Для сбора материалов и свидетельств, необходимых для работы, Геродот в 448–447 гг. до н.э. лично побывал в Персии. Впрочем, далее Вавилона в глубь азиатских владений Ахеменидов он не забирался и довольствовался лишь рассказами и эпическими преданиями. Типичным примером последних является история массагетского царевича Спаргаписа (сына царицы Томирис). Его, предварительно опьяненного, а затем захваченного в плен, заковывают в кандалы и приводят к царю Киру. Этот пассаж фактически является обработкой чрезвычайно распространенного среди кочевников и много веков спустя мифологического сюжета: непобедимый в открытом бою степной витязь, обманном путем одурманенный опьяняющими напитками, попадает во вражеский плен [1, с. 61–68].

Среди произведений Ксенофонта наибольший интерес для нас представляет не общеизвестный «Анабазис Кира», посвященный описанию внутреннего персидского вооруженного конфликта (401 г. до н.э.), в котором автор принимал прямое участие, а «Киропедия» (написано между 371–355 гг. до н.э.). В указанном сочинении рассказывается об основателе Ахеменидской державы царе Кире. Здесь довольно много говорится о Гиркании, саках, несколько раз упоминаются бактрийцы. Главным недостатком «Киропедии» как источника, является то, что ее задачей было вывести образ идеального государственного вождя, каким его представлял себе Ксенофонт. В силу этого «Киропедию» следует скорее отнести к жанру историко-политического романа, нежели к серьезному историческому исследованию.

* В.В. Гусаков – кандидат политических наук (Киев).

Следующий историк, Ктесий, в отличие от своих именитых предшественников, какое-то время постоянно жил в Персии. Работая придворным врачом, он был близок к царской семье и вместе с двором посещал царские столицы – Сузы и, может быть, Экбатаны, но восточнее вряд ли бывал. В его сочинении «Персика» (написано в нач. IV в. до н.э., уже после возвращения на родину) содержится много сообщений о народах, населявших Среднюю Азию [11]. К сожалению, часто причиной появления подобных сообщений у Ктесия являлось исключительно желание показать свое превосходство над Геродотом в знании Востока. Его излюбленным приемом стала практика дополнения известных прежде по трудам предшественников исторических эпизодов собственными сообщениями об «экзотических» восточных странах и народах. В то же время для подобных вставок автор пользовался в основном слухами, циркулировавшими при царском дворе, а также рассказами всяких приезжих с Востока людей, разбавленными его собственной фантазией. Заявления Ктесия о том, что он де изучал царские летописи, беспочвенны.

Следующий всплеск интереса античных историков к державе Ахеменидов совпал с грандиозными походами Александра Македонского на Восток. В то же время следует учитывать, что все сохранившееся сочинения, специально посвященные Александру, написаны не его современниками, а писателями, жившими много позже. К таким относятся, например, широко известные «Анабазис Александра» Флавия Арриана (ок. 165–168 гг.) или «Деяния Александра Великого» римлянина Квинта Курция Руфа (ок. 36–65 гг.) [16; 5]. Ни одно из исторических произведений историков – спутников Александра или хотя бы его современников – не сохранилось.

В принципе, в походе македонского царя сопровождал Каллисфен, официальный монарший историограф и племянник Аристотеля. О существовании сочинения Каллисфена было хорошо известно в древности, но затем оно исчезло. В то же время слава Каллисфена как историка и очевидца была столь велика, что вместо утерянного оригинала под его именем появилась подделка, названная «Роман об Александре» [6]. Его научная ценность, увы, невысока – фактически это лишь сказочный роман о приключениях великого полководца.

В подобной ситуации, исключительно важным источником по среднеазиатской политике державы Ахеменидов следует считать царские надписи, нанесенные по повелению древнеиранских государей на скалы, каменные плиты, кирпичи и т.д. Самая известная из них, несомненно, Бехистунская надпись Дария I (кон. VI в. до н.э.), являющаяся одним из величайших эпиграфических памятников [2, с. 262–270]. Кроме нее, известен целый ряд надписей Дария I, Ксеркса, Артаксеркса III из

Суз, Персеполя, Нахши-Рустема, Вавилона и даже Суэца, пускай и менее масштабных, но не менее информативных.

Сопоставляя данные античных и иранских источников, привлекая эпическую традицию среднеазиатских народов, а также археологические материалы, мы можем составить объективное представление о политике империи Ахеменидов в отношении региона Средней Азии.

Восточное или среднеазиатское направление внешней политики Ахеменидской державы обозначилось как одно из приоритетных фактически с момента ее возникновения в 550 г. до н.э. Встав во главе обширной Мидийской державы, персидский царь Кир унаследовал не только ее активы (регалии «великого царя, царя царей, царя стран», громадную территорию, тяжеловооруженную мидийскую конницу), но и внешнеполитические проблемы, в которых в последние годы существования Мидии как независимого государства ее цари совершенно запутались. Занимая огромную территорию от восточных районов Малой Азии, Армении и Северной Месопотамии на западе до юго-западных районов Центральной Азии на востоке, мидийские государи, тем не менее, стремились продолжать экспансию во всех направлениях, притом неудачно. В Малой Азии Мидия находилась в длительном конфликте с Лидийским царством, мощным государством на западе полуострова, поставившим эффективный заслон продвижению мидийцев на запад. Отнимавшая уйму сил и времени война с лидийцами отвлекла внимание руководителей Мидии от перемещений крупных групп сако-массагетских племен на ее восточных границах. Выдвинувшиеся из района Приаралья племена евразийских кочевников всей своей массой обрушились на восточноиранские области, захватывая оазисы Согда, Бактрии и Маргианы. Масштабное вторжение саков нашло свое отражение в авестийских источниках, упоминающих о перипетиях тяжелой и, по-видимому, не вполне удачной вооруженной борьбы местных владетелей (кави) против воинственного туранского вождя Арджаспа [21, с. 119–120].

Несмотря на сопротивление местного населения, и в частности подвиги легендарного арийского витязя Спентодаты (Исфандияра), среднеазиатские области Мидийского царства оказались потеряны для центральной власти [15, с. 127–208]. Лишь ее своевременный переход от мидийского царя Астиага к решительному Киру Ахемениду и полное переформатирование государства позволили выправить ситуацию. Новому правителю, унаследовавшему и приумножившему огромную империю на западе, и на востоке постепенно удалось восстановить утраченные позиции, возобновить власть над отпавшими странами. Незадолго до смерти Кир, по сообщению Ктесия, назначил своего сына Бардию правителем парфян, карманийцев, бактрийцев и хорезмийцев [1,

с. 92 (текст), 93 (перевод)]. Таким образом, в державе Кира впервые в истории были объединены вместе важнейшие оседло-земледельческие области Средней Азии.

Источники не сообщают нам хронологию и подробности среднеазиатских военных компаний Кира, да, скорее всего, их и не было. Дело в том, что племена персов, мидийцев и сако-массагетов не разделяли какие-то глубинные межнациональные, междрасовые или междцивилизационные противоречия. Население Ирана и Турана в ту эпоху в расовом отношении было идентичным. В VI в. до н.э. персы, мидийцы, саки (амюргии, тиграхауда и пр.), дахи, каспии, парфяне являлись братскими народами с несущественными языковыми и поведенческими (ментальными) различиями. В силу этого вполне реально предположить существование у них в то время стремления и к определенной политической консолидации, хотя бы как дань недавнему легендарному прошлому.

Естественным выглядит признание в конце VII в. до н.э. большинством субэтнических групп (племен, родов, кланов) Ирана и Средней Азии первенства царя Киаксара как самого мощного из всех арийских военных вождей. В правление следующего государя, Астиага, первенство мидийского царствующего дома было подорвано, что привело к всеобщей дезинтеграции и росту амбиций местных авторитетов наподобие Кира Ахеменида или туранца (сака) Арджаспа.

Смена элит в Экбатанах и приход к власти персов во главе с Киром способствовали воссоединению Ирана со среднеазиатским регионом, установлению устойчивого мира и политического единства. Военные и организационные мероприятия, предпринятые Киром, снискали ему славу удачливого военачальника, из руководителя небольшой периферийной Персии превратили в лидера самого крупного, богатого и цивилизованного на тот момент государства в мире. В подобных условиях большинство сако-массагетских племен среднеазиатского междуречья благоразумно посчитали, что лучше влиться в обновленную империю, чем находиться на ее границах.

Возможно, в процессе реинтеграции Кир перегнул палку, что привело к его конфликту с некоторыми сакскими племенами, не желавшими окончательно расставаться с прежними вольностями. Так или иначе, его последний поход против них в 530 г. до н.э. оказался на редкость неудачным и стал концом его царствования и жизненного пути [20, с. 351]. Однако даже такое резонансное событие не привело к началу длительного противостояния саков и персов. Саки прекрасно осознавали военное превосходство противника, и уже при сыне Кира Камбизе компромисс был найден. Территориальная целостность среднеазиатских владений Ахеменидов была восстановлена в прежних объемах, даже останки Кира были возвращены на родину, где и были с почестями похоро-

нены в специальном мавзолее в Парсе [25, с. 66–67]. Положение на востоке было настолько прочным, что Камбиз решился в 526 г. до н.э. на задуманный еще его отцом завоевательный поход против Египта.

После смерти Камбиза в Египте в 522 г. до н.э. в государстве произошел внутренний конфликт, связанный с неразберихой в вопросе престолонаследия. В борьбе, закончившейся воцарением Дария I Гистаспа, среднеазиатские элиты, по всей видимости, поддерживали его противника – то ли младшего сына Кира Бардию, то ли мага Гаумату, выдававшего себя за указанного царевича [3, с. 64–69, 77–85]. Результатом проигрыша внутриполитической борьбы стали репрессии Дария, обрушившиеся на Среднюю Азию.

Самому сильному удару подверглись Бактрия и соседняя с ней Маргиана. Бехистунская надпись Дария так говорит об этих событиях: «Говорит Дарий-царь: Волей Ахурамазды мое войско то враждебное войско сильно разбило. Прошло 23 дня месяца атриядия (10 декабря 522 г. до н.э.), когда сражение произошло. Затем страна моей стала. Вот что мною сделано в Бактрии» [Бехистунская надпись, III, 11–21 (§ 38)]. В вавилонском тексте, помимо подробностей разгрома «мятежных» провинций, приводится еще число убитых и плененных врагов Дария, соответственно 55 243 и 6 572 чел., что намного превышает аналогичные показатели по другим восставшим и усмирённым провинциям [13, с. 10–29]. Следует отметить явное преобладание убитых над пленными, что говорит об ожесточении Дария против жителей упомянутых областей. Он причислял их, и по-видимому не без основания, к последовательным сторонникам своих конкурентов в династической борьбе за верховную власть.

Жестокость персидских карательных акций, помимо многочисленных человеческих жертв, повлекла за собой запустение значительных, ранее освоенных земель на западной границе Мервского оазиса, о чем свидетельствуют археологические материалы [3, с. 87; 8, с. 91–92, 142]. Но даже после этого движение против Дария здесь было подавлено лишь год спустя, когда был схвачен и казнен его лидер – уроженец Маргианы Фрада [14, с. 26].

Также оппозиционно по отношению к новому царю были настроены и прочие области Средней Азии. Одновременно с Бактрией и Маргианой царским войскам пришлось усмирять население Парфии и Гиркании, поддержавшее в противовес Дарию некоего Фравартиша, выдававшего себя за царя из рода Киаксара. Борьба Дария с Фравартишем продолжалась больше года. Решающей стала победа персов летом 521 г. до н.э. в сражении у г. Пантиграбана, остатками которого, возможно, является городище Елькентепе в Южной Туркмении (на древнем пути из Парфии в Маргиану) [8, с. 51–52, 141].

Притеснения со стороны персов провоцировали отдельные группы населения региона переселяться за пределы страны. Некоторые сакские племена, нелояльные новой власти, попытались вернуться на родину в евразийские степи, но в пути были настигнуты мстительным Дарием. Согласно Бехистунской надписи, кампания 518 г. до н.э. развивалась следующим образом: «Говорит Дарий-царь: «Затем я отправился с войском в страну саков, преследуя саков, которые носят остроконечные шапки (тиграхауда). Эти саки ушли от меня. Когда я достиг моря, я через него со всем войском переправился. Затем я убил многих саков. Одного их предводителя я захватил, он, связанный, был приведен ко мне, я его казнил. (Другого) их предводителя, по имени Скунха – они сами схватили его, привели ко мне. Тогда я назначил над ними другого предводителя, так как мое желание было. Затем страна стала моей» [Бехистунская надпись, II, 8 (§ 21); 19, с. 53–55].

Мнения ученых о том, море или река упоминается в этом месте, существенно разнятся. Например, В.В.Струве однозначно переводил «море» [14, с. 231–250]; известный венгерский ученый Я. Харматта – «... прибыл к морю. Реку по названию Арахша я пересек...» [21, с. 27]; М.А. Дандамаев переводил исключительно как «река» [3, с. 100]. По всей видимости, Дарий пересек все-таки реку, и это был Узбой – старое русло Амударьи, впадавшее в Каспийское море. Форсировав эту водную преграду, он вторгся в земли саков, которые обитали к северо-западу от Согда, вплоть до Хорезма и Аральского моря. Таким образом, Дарий провел успешную военную операцию в тех самых краях, где незадолго до этого трагически погиб Кир Ахеменид.

Захвату Скунхи Дарий придавал, очевидно, большее значение, чем казни другого вождя, имя которого даже не упоминается. Изображение Скунхи было высечено на Бехистунской скале (рядом с надписью) среди других сильнейших врагов ахеменидского царя. Примечательно, что в отличие от неназванного сакского вождя Скунха не был казнен, из чего можно сделать вывод, что подвластный ему народ и территория ранее не подчинялись Ахеменидам. Это давало право Дарию рассматривать Скунху не как изменника, но как сражающегося врага [17, с. 235–240].

Таким образом, Дарию удалось не только восстановить, пошатнувшиеся было позиции в Средней Азии, но и раздвинуть северо-восточные границы Ахеменидской ойкумены за счет включения в состав своего гигантского государства населенных покоренными саками Мангышлака, Устюрта и низовий Сырдарьи I [7, с. 369]. В надписи на закладных досках, заложенных под фундамент при возведении царских дворцов в Экбатанах и Персеполе, мы читаем: «Говорит Дарий-царь: «Это – держава, которой я владел, начиная от саков, которые за Согдом, вплоть до Эфиопии, от

Индии вплоть до Сард (столица Лидии в Малой Азии)».

Дарий I – культовая фигура иранской истории. Автор важнейших политических, административных, налоговых преобразований, фактически именно он является подлинным организатором могучего древнеперсидского государства. При Дарии вся территория империи, для удобства управления и эксплуатации была разделена на сатрапии. Сатрапии были обязаны платить налоги, взимавшиеся в серебре и измерявшемся эвбейскими талантами [Геродот, III, 89]. Общая сумма налогов, поступавших из всех сатрапий, по данным Геродота, равнялась 14 560 талантам (более 400 т. серебра). Впрочем, налоговое бремя, налагаемое на восточные регионы, не было излишне тяжелым: Бактрийская сатрапия платила 360 талантов; Парфия, Хорезм, Согд и Ария – 300; саки и каспии – 250 [Геродот, III, 92–93]. Таким образом, все среднеазиатские сатрапии ежегодно платили в царскую казну столько же, сколько одна VI сатрапия (Египет и прилегающие к нему Ливия, Киренаика и Барка).

Есть все основания полагать, что в среднеазиатских областях основную часть налога вообще составляли натуральные сборы, лишь условно исчислявшиеся в серебряных талантах. На рельефах персепольских дворцов и на гробницах Ахеменидских царей в Нахши-Рустеме изображены данники «царя-царей», ведущие животных и несущие всевозможные изделия ремесленного производства [26]. В сумму налога включались также и материалы для строительства величественных дворцов в Персеполе, Сузах и Экбатанах. О том, что при сооружении этих дворцов применялись и среднеазиатские материалы, свидетельствует надпись Дария о постройке дворца в Сузах. Перечисляя различные области, участвовавшие в постройке, великий царь называет Бактрию, Согд и Хорезм. «Золото, которое здесь употреблено, – гласит надпись, – было привезено из Лидии и Бактрии. Синий камень «капаутака» (лазурит) и «синкабруш» (сердолик), что здесь был употреблен, были привезены из Согда. Камень «ахшайна» (бирюза) был привезен из Хорезма» [9, с. 50–52].

Главной повинностью для саков и других среднеазиатских народов в составе державы Ахеменидов была их военная служба в персидском войске. Этническая близость, а также общее вооружение и способы ведения войны – ставка на ударную силу многочисленной тяжелой конницы с бойцами, а кое-где и лошадьми, закованными в пластинчатую и чешуйчатую броню, безусловно, облегчало взаимодействие на поле боя. Кроме того, это было явным свидетельством доверия персидских царей к своим восточноиранским «младшим братьям».

Из архива гарнизона на о. Элефантина, что на южной границе персидского Египта, известно, что там в конце V в. до н.э. служил воин-хорезмиец Даргаман [24, с. 28]. Находки статуэток сакских

воинов свидетельствуют о том, что саки-конники входили в состав персидского гарнизона Мемфиса, одной из крупнейших военных баз в Египте [14, с. 234]. Геродот, перечисляя подразделения армии Ксеркса, выступившей против Греции, называет отряды бактрийцев и саков-амюргиев, парфян и хорезмийцев, согдийцев и каспиев. Античные авторы, описывая походы персов в Грецию, не раз упоминают об участии в той или иной битве среднеазиатских воинов. Так, еще при Дарии I во время похода против Афинского государства в знаменитой Марафонской битве (490 г. до н.э.) в центре боевого порядка персов успешно сражался отряд саков [Геродот, VI, 133; 4, с. 160 (текст), 161 (перевод)].

Тяжелые потери понесли среднеазиатские контингенты во время греческих походов Ксеркса. Так, Эсхил в «Персах» упоминает бактрийцев, павших в битве при Саламине (480 г. до н.э.), и вкладывает в уста матери Ксеркса – Атоссы – скорбные слова о том, что «народ бактрийский совершенно погиб». Атосса же называет в числе героев, павших в этой битве, «Теганора – отважного жителя Бактрии», а затем и «Артама из Бактрии, что тридцать тысяч конников в сражение вел» и «навек там почил». Она же, перечисляя потери персидского войска, заключает: «И несчастные бактрийцы полегли, вся молодежь» [18, с. 306, 318].

Пехота саков упоминается при описании битвы в Фермопильском проходе, бактрийцы и саки сражались при Платеях [Геродот, VIII, 113; IX, 31, 71]. Полтора года спустя по приказу последнего Ахеменидского царя Дария III Кодомана, среднеазиатские отряды влились в состав персидской армии, сражавшейся против войск Александра Македонского.

В общем, персидским царям удалось поглотить Среднюю Азию, активно привлекая местные элиты к участию в государственной и экономической жизни своей империи. Последних подобный подход вполне устраивал, и они охотно шли на сотрудничество с персами, гарантируя им на Востоке крепкий стратегический тыл. Выходцы из Средней Азии занимали важные посты во властных структурах империи Ахеменидов. Так, должность «царского ока» при Артаксерксе II занимал Артасир – бактриец, отец Оронта, мужа дочери Арптаксеркса, сатрапа Армении и фактического основателя династии армянских царей Ервандидов [11, с. 35].

Весьма показательны, что во время походов Александра Македонского источники вообще ни слова не говорят ни о персидских гарнизонах в Согде и Бактрии, завоевание которых описывается весьма подробно, ни о какой-либо персидской администрации, кроме сатрапа и его ближайшего окружения. Напротив, повсеместно упоминаются представители местной знати, осуществлявшие всю полноту власти в своих областях и подчинявшиеся сатрапу Бактрии – Бессу.

Обеспечив свою власть на местах, среднеазиатская знать принимала самое активное участие в борьбе за верховную власть в центре империи, поддерживая своих сторонников в периоды междоусобицы и династических междоусобиц. Уже сразу после смерти Дария Гистаспа, при воцарении Ксеркса, другим претендентом на трон «царя царей» выступил старший сын Дария – Ариамен, правивший в Бактрии. Немногим позже другой брат – Масиста, сын Дария и дочери Кира Атоссы, также бывший правителем Бактрии, намеревался вовлечь своих земляков и соседних с ними саков в свою борьбу против Ксеркса.

Ту же готовность вмешиваться в политическую борьбу бактрийцы проявили и при воцарении Артаксеркса I, после убийства в 465 г. до н.э. в результате заговора его отца Ксеркса. И на сей раз они поддержали своего правителя – Гистаспа, брата Артаксеркса. По сообщению Ктесия, шансы бактрийцев были не так уж плохи, и они проиграли решающую битву лишь потому, что в лицо им подул сухой ветер, понесший клубы песка [Ктесий. История Персии. Фр. 14 § 35 (по Фотию); 11, 98 (текст), 99 (перевод)].

Впрочем, неуклонное ослабление Персии при последних Ахеменидах отчасти пошатнуло их привлекательность в глазах населения Средней Азии, особенно ее периферийных областей. Накануне вторжения победоносной македонской армии от древнеперсидского государства отпали окраинные области в Приаралье. Свидетельством этого являются две недостроенные и брошенные резиденции Ахеменидских сатрапов в Хорезме (Калалыгыр I) и в низовьях Сырдарьи на землях «саков, которые за Согдом» (или дахов) (Бабишмулла I). Дворец на Калалыгыр I – это крупный архитектурный ансамбль площадью более 10 тыс. кв. м с многоколонным залом и святилищем. Аналогии подобным сооружениям исследователь этого дворца Ю.А. Рапопорт убедительно видит в Персии. Там же имеется прототип и венчание колонн калалыгырского дворца в виде протомы рогатого грифона [14, с. 141–156]. Дворец («Большой дом») на Бабишмулла I также восходит к постройкам Пасаргад и Персеполя. Впрочем, отделение указанных областей прошло без вооруженных эксцессов, и формально они продолжали числиться союзниками персидского царя.

С самого начала войны с Александром руководители восточных сатрапий Набарзан, Бесс, Барзаент, Орсин вместе со своими воинскими контингентами находятся в действующей армии, принимая самое активное участие во всех важнейших боестолкновениях. Однако, после страшного поражения при Гавгамеллах (331 г. до н.э.), когда всем стала очевидна нерешительность, трусость и фактическая неспособность Дария III организовать сопротивление, указанными лицами был организован заговор с целью отстранения незадачли-

вого царя от управления государством (тем, что от него осталось).

Фактически со смертью Дария историю державы Ахеменидов можно считать оконченной. С этого момента народы Средней Азии были предоставлены самим себе. Стремясь консолидировать население региона перед лицом неизбежного иностранного (греко-македонского) вторжения, бактрийский сатрап Бесс предпринял спорный политический ход, попытавшись сохранить империю Ахеменидов, хотя бы на территории ее восточных сатрапий, не занятых греко-македонскими войсками. С этой целью он, акцентируя внимание на своем родстве с Ахеменидами, в подражание им провозгласил себя «царем Азии», принял тронное имя Артаксеркс и подчинил себе остатки разбитой армии [23, с. 413–415].

Сложно сказать какие выгоды сулило геополитическому проекту Бесса такое очевидное отождествление с практически исчезнувшей империей. По-видимому, он намеревался использовать двухсотлетнюю привычку местного населения к персидским формам государственной организации, ведь с другими они были просто не знакомы. Как бы то ни было, полноценной реинкарнации не получилось. Александр Македонский без особо-

го труда одолел этот гротескный бонус к державе Ахеменидов.

Подводя итог ее среднеазиатской политики, следует обратить внимание на следующие принципиальные моменты. Присоединение стран региона к государству Ахеменидов не сопровождалось кровопролитными затяжными войнами. Причины последнего похода Кира и постигшего его в нем несчастья до конца не понятны, а жестокости Дария I в Маргиане и Бактрии вызваны скорее ожесточением гражданской войны, нежели межнациональными и международными конфликтами. В целом, режим Ахеменидов в Средней Азии был щадящим и гораздо больше напоминал отношения неравноправных партнеров, а не оккупационный порядок, построенный на жестокой эксплуатации покоренных территорий. Подобный подход, безусловно, импонирует народам региона, а персидские цари – владыки полумира пользовались у них реальным авторитетом.

Принципы Ахеменидской региональной политики надолго пережили своих создателей. Впоследствии ее элементы будут всюю использоваться геополитическими наследниками Ахеменидов – Селевкидами, а затем переключаются в арсенал Парфянского и Сасанидского царств.

Литература

1. **Гусаков В.В.** Эволюция мифа в традиционном обществе (по результатам центрально-азиатских этнологических исследований). – Народное творчество и этнография. 2008. № 1. (на украинском языке).
2. **Дандамаев М.А.** Иран при первых Ахеменидах. – М., 1963.
3. **Дандамаев М.А.** Политическая история Ахеменидской державы. – М., 1985.
4. **Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.** Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М., 1982.
5. **Квинт Курций Руф.** История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Под ред. В.С. Соколова. – 1963.
6. **Кузнецова Т.И.** Историческая тема в греческом романе. «Роман об Александре». Античный роман. – М., 1969.
7. **Левина Л.М.** Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – М., 1996.
8. **Массон В.М.** Древнеземледельческая культура Маргианы. – 1959.
9. **Пьянков И.В.** Бактрия в античной традиции. – Душанбе, 1982.
10. **Пьянков И.В.** Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2.
11. **Пьянков И.В.** Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, пер., примеч.). – Душанбе, 1975.
12. **Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С.** Раскопки дворцового здания на городище Калалыгыр I в 1958 г. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. – М., 1963.
13. **Струве В.В.** Восстание в Маргиане при Дарии I // Вестник древней истории, 1949. № 2.
14. **Струве В.В.** Поход Дария I на саков-массагетов // Изв. АН СССР СИФ. Т. 3. 1946. № 3.
15. **Фирдоуси.** Шахнаме. Т. 4. – М., 1965.
16. **Флавий Арриан.** Поход Александра / Пер. М.Е. Сергиенко. – М.; Л., 1962.
17. **Фрейман А.А.** Пленный враг Дария – скиф Скунха // Изв. АН СССР. Отдел литературы и языка, 1948. Т. 7. Вып. 3.
18. **Эсхил.** Трагедии / Пер. А.И.Пиотровского. – М.; Л., 1937.
19. **Cameron G.G.** The Old Persian Text of Bisitun Inscription // Journal of cuneiform studies (New Haven), 1951. Vol. 5. No. 2.
20. **Dandamaev M.A.** A Political History of the Achaemenid Empire. – Leiden; New York; Kopenhagen; Koln, 1989.
21. **Harmatta J.** Darius' Expedition Against the Saka Tigracauda. – Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. – Budapest, 1979.
22. **Gnoli G.** Zoroaster's Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. – Naples, 1980.
23. **Kaerst J.** Geschichte des Hellenismus. Bd. 1. – Leipzig; Berlin, 1927.
24. **Meyer E.** Der Papyrusfund von Elephantine. – Leipzig, 1972.
25. **Olmstead A.T.** The History of Persian Empire. – Chicago, 1948.
26. **Walser G.** Die Volkerschaften auf der Reliefs von Persepolis. – Berlin, 1966.

